

Евгений Кринко

НЕФОРМАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В «ЗАКРЫТОМ» ОБЩЕСТВЕ: СЛУХИ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ (1941–1945)

1

Одним из отличительных признаков «закрытого» общества является отсутствие у человека свободы выбора, тесно связанное, в свою очередь, с недоступностью необходимой ему информации как важнейшего условия принятия того или иного решения. Стремление власти к контролю над всеми сферами деятельности сопровождается жестким регулированием коммуникативных процессов и информационных потоков. Информационная политика в «закрытом» обществе направлена на поддержание идеино-го, эмоционального, а следовательно, и политического единства, которое и рассматривается в качестве главного фактора социальной стабильности. Поэтому распространение сведений, не совпадающих с тем, что публикуют официальные средства массовой информации, считается угрожающим существующему порядку, а потому противозаконным и требующим наказания.

В то же время никакое общество в реальности не может быть «согласовано до абсолютного единства» — неминуемо остается место для «неофициальной культуры»¹. Вакуум информации из официальных источников граждане вынуждены заполнять сведениями, получаемыми другим путем — прежде всего в результате передачи слухов. Слухи представляют собой неподтвержденную, но широко распространяемую информацию². Особенности слухов как вида вербальной коммуникации — эмоциональная окрашенность сведений и личная заинтересованность рассказчика. В их основе лежат события, информация о которых важна, но не полностью известна, а следовательно, недостающие в информационной «цепочке» звенья будут создаваться через интерпретацию. Слухи, по определению, могут циркулировать только неофициально, в процессе межличностной коммуникации и чаще всего на границе приватного и публичного пространств. Слухи, с одной стороны, всегда социально обусловлены, то есть порождены определенной ситуацией, с другой — они сами, в свою очередь, влияют на общественное мнение и детерминируют поведение целых социальных групп и слоев. Они могут оказаться забытыми уже на следующий день, а могут передаваться из поколения в поколение, превращаясь в стереотипы массового сознания.

Устойчивость, с которой слухи периодически возникают и так же легко исчезают в различные периоды истории, позволяет отнести их к культурным универсалиям, природа которых кроется в самих особенностях формирования общественного сознания. Слухи зарождаются и распространяются в любом обществе и при любой власти, но особенно интенсивно — в переходные эпохи, сопровождающиеся разрушением привычных систем ценностей, а также во времена войн, революций, экономических и политических кризисов, стихийных бедствий, других природных и социальных катаклизмов, которые приводят к ухудшению условий жизни населения и угрожают его безопасности. Страх за собственную судьбу и судь-

Неформальная коммуникация в «закрытом» обществе

бы близких, тревожное ожидание грядущей опасности держат людей в постоянном напряжении, которое становится питательной средой для появления слухов. В подобной социально-психологической ситуации они превращаются в неизбежный и необходимый коммуникативный канал неформальных сообщений.

2

Временем особенно широкого распространения слухов в сталинском СССР стал период Второй мировой войны. Эти процессы были связаны прежде всего с возникновением новых и усилением прежних социальных страхов и отсутствием достоверной информации о событиях, происходивших на фронте и в тылу, а также неэффективностью действий советского руководства в информационной сфере. 24 июня 1941 года было образовано Советское информационное бюро при СНК СССР, сводки которого систематически передавались по радио и печатались в газетах. Несмотря на название, главная задача этого учреждения заключалась не в информировании советских граждан о происходивших событиях, а в их «правильном» освещении, в результате они порой получали совершенно не соответствующую действительности оценку. Потери советских войск значительно преуменьшались, а вермахта, напротив, преувеличивались (впрочем, подобным образом действовали и германские средства пропаганды). Сведения об оставленных советских городах откровенно запаздывали, нередко дикторы сообщали об упорных боях на подступах к тому или иному населенному пункту тогда, когда его уже заняли войска противника.

Но иных разрешенных источников информации не существовало. Постановление СНК СССР от 25 июня 1941 года обязало граждан и организации сдать радиоприемники, чтобы не допустить прослушивания иностранных передач.

Тем не менее немало советских граждан осознавало несоответствие официальной информации действительности и даже настаивало на необходимости более достоверной оценки событий. В середине июля 1941 года инженер М. Свиридов писал заместителю начальника Совинформбюро С.А. Лозовскому о том, что советские сводки даже читать не хочется, ибо публикуемые в них сведения воспринимаются «как неуважение к широкой читательской массе, ненужная боязнь фактов и как одна из причин, способствующих распространению неофициальных сообщений и слухов. Нежели непонятно, что неконкретность и краткость сводок не удовлетворяет читателей и заставляет их больше прислушиваться к различным слухам, часто неверным и исходящим, может быть, из враждебных источников?»³.

Цитируемый документ отражает искреннее желание лояльного к власти человека повысить эффективность советской информационной политики, но гораздо чаще недоверие к ней выражалось в скрытой форме, а критика звучала анонимно. В сентябре 1941 года Совинформбюро получило неподписанное письмо, в котором говорилось: «Вы систематически ничего не сообщаете о положении на фронте, вместо этого в сводках уже более недели стереотипная фраза — “бои на всем фронте” <...> Ваше молчание сеет самые нелепые слухи о несуществующих наступлениях и отступлениях. Все это только нервирует тыл. Что за презрение ко всем гражданам страны держать в полном неведении о самом важном <...> Слухи распространяются по вашей вине»⁴.

ЕВГЕНИЙ КРИНКО

На самом деле Совинформбюро, разумеется, лишь выполняло определенный властный заказ. В результате, даже когда официальные средства массовой информации сообщали достоверные сведения, они порой воспринимались как откровенная ложь. Уже на завершающем этапе войны, в 1944 году советские колхозники в недавно освобожденной Смоленской области заявляли политработникам: «Мы не верили слухам, что Красная армия дошла до Румынии и ведет бой на ее территории»⁵.

Постоянное существование внутри двух информационных сфер — официальной и неофициальной, — зачастую противоречивших друг другу, породило своеобразный дуализм советского общественного сознания, в котором могли одновременно присутствовать две «правды», а преклонение перед властью сочеталось с резкой критикой деятельности ее представителей. Выработанная с годами привычка обходить информационные барьеры, несмотря на всю жесткость запретительных мер, привела к тому, что слухам порой доверяли в большей степени, нежели официальным источникам⁶. Уже 23 июня 1941 года в Москве были зафиксированы высказывания: «Эта война начата нашим правительством с целью отвлечения внимания широких народных масс от того недовольства, которым охвачен народ, — существующей у нас диктатурой»⁷. Подобные слухи распространялись и среди военнослужащих, включая самых высокопоставленных. Помощник начальника Военно-политической академии по материально-техническому обеспечению генерал-майор Петров, ссылаясь на разговор «с каким-то родственником Вадимом», утверждал, что СССР начал войну еще до 22 июня 1941 года⁸. Даже представители командного состава Красной армии, не веря официальным сообщениям, искали иные трактовки происходивших событий.

3

Без обращения к слухам невозможно реконструировать полную картину жизни советского общества и его массового сознания, выявить механизмы адаптации социума к чрезвычайным обстоятельствам военного времени. Однако только в последние годы слухи Второй мировой войны как источник и объект анализа привлекают внимание российских историков и стали даже предметом самостоятельных исследований⁹. В то же время изучение слухов военного времени существенно осложняется самой природой источника: слухи могут быть доступны исследователям только в опосредованной форме, а значит, неизбежны aberrации.

Наиболее существенную роль в изучении слухов военного времени играют источники личного происхождения — дневники, воспоминания, письма, а также устные рассказы очевидцев. Во всех этих источниках информация пропущена через личный опыт авторов, что чрезвычайно важно для понимания места и значения слухов в «закрытом» обществе. В то же время источники такого рода имеют свои специфические особенности.

Дневники, как записи более интимного характера, в отличие от воспоминаний фиксирующие авторские впечатления непосредственно в момент совершения событий, считаются самыми информативными и достоверными эгодокументами и, действительно, запечатлели немало слухов военных лет. Однако в количественном отношении эти источники значительно уступают всем остальным. Особенно немногочисленны дневники фронтовиков. Вести дневники в советском обществе вообще было не принято,

Неформальная коммуникация в «закрытом» обществе

а на фронте прямо запрещено, да и чрезвычайно сложно в полевых условиях. Тем не менее отдельные военнослужащие, в основном офицеры — полулегально или нелегально, — делали записи о происходящем (дневник К. Симонова, например, хранился в сейфе главного редактора «Красной звезды», корреспондентом которой он являлся).

Переписка военного времени подвергалась цензуре, строго следившей за тем, чтобы в письмах советских граждан не просочилось каких-либо сведений, не только разглашавших государственную и военную тайну, но и «порочивших» социалистическую действительность. Не следует забывать и о самоцензуре корреспондентов военного времени, многие из которых хорошо понимали, о чем было можно писать в военные годы, а о чем нельзя. Поэтому сведения о слухах встречаются только в письмах, изъятых цензорами и не дошедших до адресатов.

На содержание и тональность воспоминаний оказывали влияние сложившиеся в советском обществе меморативные практики. Многие мемуары фактически представляли собой литературные записи, отражавшие официальные представления о том, какой должна быть «правда» о войне. Вследствие этого упоминания о слухах содержат публикации последних лет и записи рассказов очевидцев, сделанные спустя более полувека после описываемых событий.

Как правило, отличительным признаком, позволяющим исследователю квалифицировать то или иное вербальное сообщение, приводимое в источниках, как слух, выступает «ключевое слово», указывающее на происхождение приведенных сведений: «По слухам...», «Одна гражданка сказала...», «Говорят...» и т.д. Обращает на себя внимание, что в этом случае сам автор (мемуарист, респондент) идентифицирует сообщение в качестве слуха, а его передача отражает переживаемые рассказчиком страх, иронию, сарказм и другие чувства. Пересказ не может быть только нейтральным, поскольку иначе информация просто не сохранилась бы в памяти очевидцев. Слухами могут являться и сообщения, не воспринимавшиеся авторами в подобном качестве. И тогда соотнесение их содержания с реально происходившими событиями и определение источника их происхождения, собственно и позволяющие считать ту или иную информацию слухом, становятся для исследователя отдельной сложной задачей.

Еще одним видом источников о слухах военного времени выступают официальные документы: нормативно-правовые акты, закреплявшие меры борьбы с распространением слухов, а также различная делопроизводственная документация — партийные отчеты, докладные записки и донесения, оперативные и агентурные сводки органов государственной безопасности, фиксировавшие общественные настроения. Возможности использования такого рода источников для изучения слухов ограничены уже тем, что, во-первых, в этих документах приводились, как правило, сведения негативного характера, во-вторых, они отражали мнение властей по поводу того, что считалось слухом, далеко не всегда соответствовавшее реальности. В результате в качестве слуха в таких источниках могла фигурировать вполне достоверная информация, по каким-либо причинам скрывавшаяся от общества. Например, согласно сообщению ТАСС от 14 июня 1941 года, ложными слухами объявлялись сведения о предстоящей войне с Германией. Политработники специально разъясняли бойцам и командирам Красной армии, что подобные слухи могут распространять только «враждебные элементы»¹⁰.

ЕВГЕНИЙ КРИНКО

Все эти обстоятельства в немалой степени затрудняют изучение слухов Второй мировой войны. С учетом того, что период активного существования большинства слухов был невелик, значительная часть из них не оставила следа в источниках, а доступные исследователям сведения вызывают определенные сомнения в их репрезентативности. Тем не менее анализ слухов военного времени представляет собой одно из перспективных исследовательских направлений. Именно слухи свидетельствуют, например, о том, что в советском обществе были распространены оппозиционные настроения, и позволяют во многом по-другому оценить степень лояльности немалого числа граждан режиму.

Так, значительную часть территории СССР с самого начала войны охватили слухи о скором распуске колхозов. Они оказались чрезвычайно устойчивыми и сохранялись на протяжении всего военного периода, вплоть до самой победы и после нее. Например, в 1943 году в Еловском районе Молотовской (Пермской) области появились слухи о том, что председателей сельсоветов вызывали в областной центр на совещание, чтобы разъяснить, как делить землю после распуска колхозов¹¹. Масштаб и география распространения рассказов о грядущем распуске колхозов позволяют отнести их к числу наиболее массовых слухов военного времени. Они отражали надежды многомиллионной массы крестьян, искренне желавших изменения советской политики по отношению к крестьянству. Основными поводами к возникновению этих слухов, помимо региональных и локальных событий, были начало войны и общие изменения в советской политике, просачивавшиеся сведения о политике оккупантов на захваченной советской территории (в конце 1942 – начале 1943 годов там был объявлен распуск колхозов), окончание войны и надежда на благодарность Сталина за героический крестьянский труд. Все эти ожидания в итоге оказались обманутыми, а колхозная система сохранялась еще несколько десятилетий.

Обращение к слухам военного времени также позволяет понять, как общество реагировало на изменение ситуации, каким образом объясняло смысл и направленность происходивших событий. Заместитель прокурора Краснодарского края И.И. Плющий в докладной записке, составленной по результатам проверки в сентябре 1941 года Славянского, Черноерковского, Темрюкского и Красноармейского районов, писал: «Во всех районах и колхозах, где я был, “ходят” слухи о разных небылицах. Вражеские языки напшептывают в уши населению всевозможные версии: “Тимошенко расстрелян за измену” – эта брехня распространена повсеместно; “в Анастасиевке высажен воздушный фашистский десант, телефонная связь с Темрюком прервана” <...>»¹².

Этот документ – свидетельство не только сложной социально-политической обстановки в тыловых (на тот момент) советских районах, но и очень «горячей» памяти населения о массовых репрессиях, продолжавшихся в годы войны. Эта тема вообще была достаточно широко представлена в слухах начального периода войны. Не случайно месяцем позже, в октябре 1941 года, московский журналист Н.К. Вержбицкий, принадлежавший к другой, более образованной социальной группе, чем кубанские колхозники, после публикации постановления ГКО, в котором был назван новый командующий Западным фронтом Г.К. Жуков, записал в своем дневнике: «Значит, бывший командующий Западным фронтом Тимошенко снят или вообще изъят. А про бывшего коменданта Москвы Ревяки-

Неформальная коммуникация в «закрытом» обществе

на говорят, что он расстрелян»¹³. Оба предположения не подтвердились, С.К. Тимошенко в это время командовал Юго-Западным фронтом, а В.А. Ревякин был направлен на фронт и после гибели И.В. Панфилова назначен командиром 116-й стрелковой дивизии. Однако подобные представления выглядели достаточно правдоподобно в начале войны, когда И.В. Сталин возложил ответственность за первые поражения на советских военачальников. В июле 1941 года были расстреляны генералы Д.Г. Павлов, В.Е. Климовских, А.Т. Григорьев, А.А. Коробков. Необоснованные обвинения в трусости ряда других командиров содержались и в приказе № 270 Ставки Верховного главного командования.

Тесную взаимосвязь между нарастанием в обществе социально-психологической напряженности, отсутствием достоверной информации из официальных источников и усилением значения слухов в системе коммуникации иллюстрирует дневник москвички И. Краузе, описывающий драматические события осени 1941 года. В начале осени упоминания о слухах в нем единичны, а их содержание нередко оптимистично: «Публике очень хочется взять обратно города, поэтому сегодня говорят уже и о Гомеле, и о Николаеве, и о Кривом Роге» (5 сентября 1941 года). Однако чем сильнее хаос, чем хуже работают средства информации и пропаганды, тем более важную роль играют слухи как источник информации, тем тревожнее оказывается их содержание.

Во второй половине октября слухи превращаются для И. Краузе — человека в целом вполне рационального — практически в главный информационный канал. 19 октября она записала в свой дневник: «Слухи ходят самые невероятные: что Сталин убит Молотовым, что, наоборот, Ворошилова убил Сталин, что, наконец, все они сбежали и т.д., и т.п.»¹⁴. Слова об «убийствах» советских руководителей, несомненно, свидетельствуют о реанимации в новых условиях прежних страхов 1920-х годов, связанных с возможными угрозами дестабилизации обстановки из-за утраты единства внутри советского руководства.

В подобном духе описывает в своем дневнике наиболее опасный момент для столицы и Н.К. Вержбицкий: «Стенная литература, кроме газет, никакая не появляется. Вместо нее кругом кипит возмущение, громко говорят, кричат о предательстве, о том, что «капитаны первыми бежали с кораблей» да еще прихватили с собой ценности». Далее он отмечал: «Слышины разговоры, за которые 3 дня назад привлекли бы к трибуналу <...> Истерика наверху передалась массе». Именно в таких условиях «начинают вспоминать и перечислять все обиды, притеснения, несправедливости, зажим, бюрократическое издевательство чиновников, зазнайство и самоуверенность партийцев, драконовские указы, лишения, систематический обман масс, газетную брехню подхалимов и славословия <...> Страшно слушать. Говорят кровью сердца»¹⁵. Этот источник очень хорошо проясняет социально-психологические условия распространения слухов.

На фронте возникновению слухов способствовали внезапное появление противника, применение им нового вооружения, отсутствие у солдат веры в командиров и в свои собственные силы, моральное и физическое утомление войск, большие потери и т.д. В состоянии перевозбуждения и неопределенности люди легко верили в то, что они отвергли бы при здравом размышлении.

ЕВГЕНИЙ КРИНКО

4

Обращение ко всем новым источникам слухов и расширение их «базы данных» обусловливают необходимость типологии, позволяющей обобщить и систематизировать собранный эмпирический материал. Существуют различные типологии слухов, опирающиеся на разные критерии. Например, на основе информационной характеристики слухи разделяют на абсолютно недостоверные, недостоверные с элементами правдоподобия, правдоподобные и достоверные с элементами неправдоподобия. Критерий происхождения позволяет выделить стихийно возникавшие и целенаправленно распространяющиеся слухи. Критерий вызываемых слухом эмоций рождает такие термины, как «слух-желание», отражавший надежды людей, «слух-пугало», вызывавший тревогу и страх, и «агрессивный слух», порождавший неприязнь к конкретным лицам или социальным группам. Однако один и тот же слух способен вызывать различные эмоции и иметь различную степень правдоподобия, «вычислять» которую оказывается далеко не всегда возможно. Даже целенаправленно «запускавшаяся» дезинформация становилась слухом, только если распространялась стихийно. Поэтому все эти классификации (как, впрочем, и другие) можно считать достаточно условными.

Применительно к военному периоду советской истории наиболее целесообразным представляется использовать в качестве критерия содержавшиеся в слухах ожидания и разделить все слухи на пессимистические и оптимистические¹⁶. Наиболее часто в военные годы фиксировались пессимистические слухи о больших потерях на фронте, дальнейшем ухудшении продовольственного обеспечения и материального положения в целом. Участник блокады Ленинграда Д.И. Каргин вспоминал, как «досужие люди из самых верных источников распространяли одну сочиненную легенду за другой. Будто бы Ворошилов ранен и настаивает на сдаче Ленинграда немцам, что будто бы Буденный в плену. И эти сплетни разукрашивались другими фантазиями, несмотря на очевидную их нелепость и противоречие официальным сведениям, печатаемым в газетах»¹⁷.

На фронте пессимизм усиливался в условиях отступления, крупных потерь, недостатков в снабжении войск. Документы особых отделов НКВД свидетельствуют о том, что среди лиц, высказывавших подобные настроения, оказывались не только рядовые красноармейцы, но и командиры. Так, командир 214-го артиллерийского полка 38-й стрелковой дивизии подполковник Гурылев в разгар немецкого наступления летом 1942 года заявил: «Скоро будет заключен мир с Германией, ибо борьба с ней бессмысленна, да нам и воевать нечем»¹⁸.

Впрочем, человеку свойственно испытывать надежды на лучшее в самых, казалось бы, нелегких ситуациях. Все годы войны распространялись не только тревожные, но и успокаивающие, оптимистические слухи. Особенно широко они циркулировали в начале войны — люди всерьез верили в быструю победу над противником. На московских заводах 24–26 июня 1941 года упорно говорили о взятии Варшавы, Кёнигсберга, Данцига и «о том, что якобы застрелился Риббентроп». Были зафиксированы и такие разговоры: «Германия практикует высадку десантов, и у нас вот под Ленинградом немцы сбросили 10 тыс. парашютистов, не успел из них никто приземлиться, их всех перестреляли, и они мертвые только достигли нашей земли»¹⁹. По воспоминаниям очевидцев, большинство слухов в бло-

Неформальная коммуникация в «закрытом» обществе

кадном Ленинграде также «были по содержанию бодрыми. Однако они редко оправдывались. Особенно много возлагалось надежд на легендарного генерала Кулика, шедшего будто бы на освобождение Ленинграда. Во всяком случае, эти слухи поддерживали надежду и бодрое настроение. Много говорилось о том, что уже освобождены железные дороги как на восток, так и к Москве, и многое другое»²⁰.

Еще одним критерием систематизации может выступать уровень распространения слухов, на основе которого выделяются локальные, региональные, национальные и международные слухи. Локальные циркулировали внутри одной социальной группы, конкретного населенного пункта или их совокупности, особенно быстро — в условиях замкнутого пространства — в воинских казармах и оборонительных порядках войск, тюрьмах и госпиталях, высокогорных аулах. Впрочем, зоны распространения слухов редко оставались автономными, через различные средства коммуникации (переписку, периодическую печать, личный контакт) слухи гораздо легче, чем сами люди, пересекали все видимые и невидимые границы. Широкое распространение отдельных слухов свидетельствует об общности процессов, протекавших в массовом сознании в военные годы.

Региональные слухи имели хождение в одном или нескольких регионах. Осенью 1942 года в Калмыкии по инициативе противника распространился слух о том, что командир 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии полковник В.А. Хомутников «ушел в банду»²¹. В любом другом регионе эта информация не вызвала бы широкого интереса и не стала слухом. На Северном Кавказе фиксировались слухи о том, что Турция вступила в войну с СССР и заняла четыре города, а Гитлер ставит условием перемирия выделение Германии 30 тыс. голов скота²². Когда такие слухи охватывали большую часть страны, они приобретали межрегиональный или национальный характер.

На территории целого ряда стран в годы Второй мировой войны получили распространение слухи, преувеличивавшие возможности противника, рассказывавшие о применении им какого-то сверхмощного секретного оружия (отравляющих веществ, смертоносных лучей и др.), парашютных десантах, переодетых шпионах и диверсантах, попытках уничтожения мостов и других стратегических объектов. Страх перед опасным и жестоким врагом побуждал мирных граждан спасаться бегством, а паника порождала негативное отношение в европейских странах к немцам, а в США — к японцам, проживавшим на их территории. Но на практике значительная часть слухов о действиях «пятой колонны» не подтвердилась. Например, многочисленные случаи подачи световых сигналов при проверке нередко оказывались мерцанием свечи, случайнym повторным включением ламп, отражением солнечных лучей и т.п.²³

Слухи, преувеличивавшие возможности противника, были широко распространены и в СССР. Уже по окончании советско-финляндской войны в советском обществе ходили «самые невероятные слухи» о линии Маннергейма, надолго задержавшей продвижение Красной армии. По воспоминаниям участника этой войны А.И. Деревенца, «один вполне серьезный человек» спрашивал его: «...правда ли, что в стенах дотов этой линии была заложена резина и поэтому снаряды, попадавшие в доты, отскакивали от них как мячики и не повреждали?»²⁴ В этих и других подобных им и широко распространявшихся в 1941–1945 годах слухах отразились особенности переживаемой эпохи с ее верой в безудержный научно-технический прогресс, вызывавший значительные опасения у части общества.

ЕВГЕНИЙ КРИНКО

Существующие источники не позволяют полностью распределить слухи по гендерному признаку. Тем не менее можно предположить, что мужчины в большей степени участвовали в распространении слухов, связанных с качествами новой военной техники, расстрелами в среде высшего руководства, развитием событий в ходе конкретных военных операций. Напротив, специфически «женскими» являлись слухи, связанные с дальнейшим ухудшением бытовых условий, порядка снабжения населения в тылу и т.д. В то же время были и общие, гендерно не маркированные слухи — их порождала война, кардинально менявшая условия жизни и поведение огромных масс населения.

5

Главными зонами распространения слухов выступали места массовых скоплений людей: рынки и магазины, общественный транспорт, столовые и поликлиники, бани и парикмахерские, предприятия и учреждения — пространства, где возникали неорганизованные социальные сообщества и неформальные контакты. Сам факт передачи сведений означал идентификацию собеседника в качестве «своего», человека, которому можно доверять, конституируя вербальные сообщества. Не случайно красноармеец 972-го стрелкового полка К.П. Бунин, сообщая об антисоветских разговорах однополчан, указывал, что вчерашние колхозники сначала осторегались его, поскольку он «был городским человеком»²⁵. Однако война способствовала ослаблению привычного для советского человека чувства самоконтроля.

Слухи передавались в разговорах дома и на работе, с членами семьи, близкими, друзьями, знакомыми, соседями, сослуживцами, но особенно часто они распространялись в очередях. В воспоминаниях очевидцев событий военных лет сохранились яркие описания очередей как своеобразного символа эпохи: «Очереди, очереди без конца, без края: криклиевые, нервные, драчливые, мучительные»²⁶. Очереди стирали социальные границы: рядом могли оказаться университетский профессор и рабочий с начальным образованием, инженер и домохозяйка. При этом различный уровень образования и владения информацией создавал благоприятные условия для коммуникации, не всегда возможной в другой жизненной ситуации.

Вынужденное и утомительное стояние в очередях в магазинах и учреждениях скрашивал разговор, в ходе которого человек нередко терял осторожность, расслаблялся и позволял себе достаточно резкие высказывания, недопустимые в другой беседе. В этом сказывался эффект коммуникативной близости незнакомых людей: человек иногда легче идет на откровенный разговор с неизвестными собеседниками, чем с теми, кого он хорошо знает и чье мнение имеет для него существенное значение.

Подобный разговор мог возникнуть и в ситуации давнего знакомства собеседников — например, во время обеденного перерыва, случайной встречи на улице или на кухне в коммунальной квартире. Более высокая степень осведомленности позволяла «хорошо информированному гражданину» приобретать дополнительную значимость в собственных представлениях и в глазах окружающих, укрепляя свой авторитет²⁷.

Если полученная информация была важной и новой, она сохраняла актуальность и после завершения разговора, поэтому, вернувшись домой или на работу, его участники передавали услышанное в собственной интерпретации, добавляя или устранивая отдельные детали. Превращаясь из

Неформальная коммуникация в «закрытом» обществе

объектов в субъекты слуха, они способствовали его дальнейшему распространению. Напротив, если сведения не заинтересовывали участников разговора, слух умирал, не родившись. Н.К. Вержбицкий в своем дневнике записал красноречивый диалог в одной из московских очередей, показывающий, как в ситуации неизвестности и неопределенности даже самая поверхностная коммуникация приводит к образованию слуха:

- Почему нет хлеба?
- Еще не привезли.
- Почему не везут?
- Нет транспорта.
- А где транспорт?
- На нем коммунисты удрали²⁸.

6

Из приведенных строк очевидно, что обыватель зачастую был далек от трактовок событий, которые ему предлагала власть. Поэтому очереди представляли собой достаточно благодатное место и для фиксации правоохранительными органами «антисоветских и пораженческих» взглядов граждан. Отношения власти и общества складывались далеко не просто даже в условиях стремления первой к полному и всеобъемлющему контролю над всеми сферами жизни.

Советское государство стремилось строго пресекать распространение «провокационных и ложных слухов». Уже утром 22 июня 1941 года был принят специальный «План агентурно-оперативных мероприятий УНКГБ и УНКВД г. Москвы и Московской области по обеспечению госбезопасности г. Москвы и области в связи с нападением гитлеровской Германии на СССР». Наряду с другими оперативными мероприятиями в нем предусматривались меры по выявлению «лиц, проявляющих пораженческие и повстанческие настроения»²⁹. Следует отметить, что подобные меры находили откровенную поддержку среди части общества, призывавшей власть к более решительным действиям по наведению порядка. 27 июня 1941 года старший лейтенант Михальченко писал в редакцию «Правды» о том, что руководители на местах «не проявили еще крепкую силу воли и борьбу против вздорных слухов, подчас сами поддаются на удочку». В качестве первоочередной меры он прямо призывал: «Огласить закон, карающий расстрелом тех, кто сеет панику. С большим отзвуком для населения расстрелять несколько паникеров и тех, кто из-за страха бросают работу и удирают...»³⁰

Особое внимание уделялось пресечению «пораженческих» слухов на фронте. Директива начальника Главного управления политической пропаганды Красной армии (ГУПП КА) от 24 июня 1941 года призывала армейские политические органы принять меры для повышения бдительности, стойкости, организованности и дисциплины войск: «Пресекать в корне всякие провокационные слухи, попытки посеять тревогу и неуверенность. Беспощадно бороться с проявлением недисциплинированности, расхлябанности и ротозейства»³¹. Конкретизировала меры борьбы против «паникеров, трусов, шкурников, дезертиров и пораженцев» директива ГУПП КА от 15 июля 1941 года, требовавшая «немедленно изгонять» их из партии и комсомола и предавать суду военного трибунала³².

ЕВГЕНИЙ КРИНКО

В выступлении Сталина от 3 июля 1941 года также говорилось о необходимости организовать беспощадную борьбу с дезорганизаторами тыла, среди которых, помимо дезертиров и паникеров, назывались и распространители слухов. «Вождь народов» хорошо понимал опасность дальнейшего нарастания слухов, а его выступление предваряло принятие конкретных мер борьбы с этим явлением. Уже через три дня, 6 июля 1941 года, Президиум Верховного Совета СССР принял специальный Указ «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения». По приговору военного трибунала виновные карались тюремным заключением на срок от двух до пяти лет, если это действие не влекло за собой по закону более тяжкого наказания. Таким образом, распространение слухов почти с самого начала войны стало рассматриваться как государственное преступление — власть опасалась возникновения паники, которая могла иметь самые непредсказуемые и нежелательные последствия.

Эти опасения не были беспочвенны: сама ситуация провоцировала возникновение различных страхов. Краснодарский крайком партии докладывал в конце июля в ЦК ВКП(б) о том, что в колхозе «Красное знамя» Ейского района «отдельные враждебные элементы, чтобы сорвать нормальную работу в поле колхозников, распространяли слух, что немцы прорвали фронт и подходят к Ейску». Услышав это, несмотря на то что линия фронта в реальности проходила от них на расстоянии нескольких сотен километров, «многие колхозники, особенно женщины, захватили своих детей и разбежались по домам. Таким образом, работа в поле была частично сорвана»³³.

Применение указа от 6 июля 1941 года началось незамедлительно. Уже во второй половине июля 1941 года в Краснодарском крае военный трибунал за распространение ложных слухов приговорил к лишению свободы 18 человек (1 — на семь, 13 — на пять лет, остальных — на два и один год лишения свободы). За тот же период за контрреволюционную агитацию по статье 58-10, ч. II Уголовного кодекса РСФСР было осуждено 49 человек, в том числе 14 человек приговорено к расстрелу, 17 — к десяти годам лишения свободы. Эти две категории дел в крае стали преобладающими в судебной практике по преступлениям, связанным с военным положением³⁴. Всего за распространение слухов за месяц с 22 июля по 22 августа 1941 года краевая прокуратура передала в военный трибунал 34 дела на 34 человека³⁵. Позже количество осужденных по указу стало сокращаться, в первой половине октября 1941 года в Краснодарском крае было осуждено 74 человека за контрреволюционную агитацию и 8 человек — за распространение ложных слухов³⁶.

В Москве за распространение слухов с 27 октября по 1 декабря 1941 года к ответственности привлекли 15 человек, или 0,4% обвиняемых. Оудили 14 человек, 7 обвиняемых приговорили к лишению свободы на срок от трех до пяти лет, 7 — от года до двух лет. В докладе военного трибунала Московского военного округа в Московский горком ВКП(б) отмечалось, что при расследовании этих дел был допущен ряд грубых ошибок, некоторые дела «следовало рассматривать по ст. 58-10, ч. II УК. Сессии Военного трибунала, работающие в районах, не всегда различают распространение ложных слухов от явной контрреволюционной агитации». Поэтому рассмотрение всех дел предлагалось сосредоточить непосредственно в сессиях при руководстве военного трибунала г. Москвы³⁷.

Неформальная коммуникация в «закрытом» обществе

Судебная практика военного времени содержит различные примеры как осуждения граждан по откровенно фальсифицированным делам, так и реализации вполне законных в рамках существовавших систем правопонимания и правоприменения «мер социальной защиты». Поскольку «ложными» считались любые сведения, не соответствовавшие официальной информации, это создавало почву для необоснованных репрессий. В то же время отдельных граждан, обвинявшихся по указу от 6 июля, освободили за недостаточностью улик. 8 ноября 1941 года в Кировской области было прекращено дело А.С. Тутырина, так как «ложные слухи», распространение которых вменялось ему в вину, «частично не являлись, по существу, ложными», а в части, где они были признаны таковыми, материал расследования не содержал необходимых доказательств для предания его суду³⁸.

Всего, по неполным данным, представленным 19 декабря 1941 года заместителем начальника следственного отдела Прокуратуры СССР М. Альтшулером исполняющему обязанности прокурора СССР Г.Н. Сафонову, на 1 ноября 1941 года в стране по указу от 6 июля было привлечено 1 423 человека, в том числе в тыловых местностях, не объявленных на военном положении, 513. На срок до трех лет осуждено 266 человек, до пяти лет — 220 человек. Характер распространяемых слухов определялся как «самый разнообразный», но преобладали слухи «о положении на фронте, экономическом положении в стране, отношении немцев к пленным красноармейцам и мирному населению»³⁹.

В процентном соотношении осужденные по указу от 6 июля составляли сравнительно небольшую долю общего количества советских граждан, привлеченных к судебной ответственности в военные годы. Это объясняется тем, что наиболее «злостные» и опасные слухи квалифицировались как контрреволюционная пропаганда, а распространявшие их лица привлекались к ответственности по соответствующей статье 58-10 Уголовного кодекса СССР, предполагавшей более строгое наказание, вплоть до смертной казни. Так, 16 июля 1941 года трибунал войск НКВД в Краснодарском крае приговорил к расстрелу гражданина Д. за то, что 22 июня, будучи в состоянии алкогольного опьянения, он заявил: «Хлеб дают только коммунистам, нет справедливости. Надо сдаваться Гитлеру без боя. Все равно разницы нет — будет у власти Сталин или Гитлер. Рыков и Пятаков были партийцы, а остальные ничего не стоят»⁴⁰.

Таким образом, указ от 6 июля 1941 года, по сути, мало что изменил в советском судопроизводстве, поскольку существовавшее законодательство предоставляло достаточно возможностей для наказания всех лиц, признаваемых виновными в «несанкционированных разговорах». Поэтому его главной функцией стало не наказание лиц, уже распространявших слухи, а предупреждение их дальнейшего возникновения. Необходимо отметить и то, что наряду с репрессивными мерами существенную роль в борьбе со слухами должна была сыграть и пропаганда «революционной бдительности» как «драгоценного качества советского человека»⁴¹.

Рассматривая слухи в качестве своеобразного зеркала развития общества, можно согласиться с утверждениями о том, что вся «наша история — это во многом история слухов»⁴². Действительно, слухи военных лет охватывали весь мир «обыкновенного» человека, затрагивая наиболее значимые для

ЕВГЕНИЙ КРИНКО

него вопросы. Они фиксировали отношение людей к первым успехам вермахта и впечатления от новых технических средств, применявшимся в войне, страх перед жестоким противником и реальные тяготы жизни. Слухи выступали своеобразными производными от господствовавших в обществе и его отдельных слоях социальных фобий, в свою очередь, представлявших собой форму «редукции сложности и неопределенности происходящего»⁴³.

Истоки слухов кроются в особенностях реагирования человеческой психики на эмоциональную перегрузку; их передача позволяет сделать «невизвестную» ситуацию известной, «сняв» психологическое напряжение. Поэтому слухи выполняли компенсаторные функции не только в информационном, но и в социально-психологическом плане, представляя собой своеобразный способ реагирования общества на экстремальную ситуацию военного времени. Они отражали стремление сохранить ценности настоящего и желаемые направления развития ситуации в будущем и выступали своеобразной венецианской формой социального прогноза.

Война часто рассматривается одновременно как новый социальный разлом и в то же время период усиленной социально-психологической мобилизации, направленной на формирование нового чувства национального единения. Массовое распространение слухов как альтернативной официальным источникам информации в СССР в годы Второй мировой войны показывает, что их передача была в «закрытом» обществе одной из форм поведения не подконтрольного власти человека. Разговоры «шепотом» о самых насущных проблемах на самом деле «кричат» о неудовлетворенности советского общества проводимой политикой, о недоверии к государству и поисках зон относительной свободы от его всевидящего ока.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Дубин Б.В., Толстых А.В. Феноменальный мир слухов // Социологические исследования. 1995. № 1. С. 17–20 (<http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2006/06/23/0000280719/003.DUBIN.pdf>).
- 2 См. подробнее: Дубин Б.В., Толстых А.В. Слухи как феномен обыденной жизни // Философские исследования. 1993. № 2. С. 136–141; Побережников И.В. Слухи в социальной истории: типология и функции (по материалам восточных регионов России XVIII–XIX вв.). Екатеринбург, 1995, и др.
- 3 Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. М., 2007. С. 587.
- 4 Костыренко Г.В. Советская цензура в 1941–1952 годах // Вопросы истории. 1996. № 11–12. С. 88.
- 5 Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. С. 700.
- 6 Рожнёва Ж.А. К вопросу об особенностях информационных процессов в советском обществе // Открытый междисциплинарный электронный журнал «Гуманитарная информатика». Вып. 1 (<http://huminf.tsu.ru/e-jurnal/magazine/1/rojneva.htm>).
- 7 Москва военная. 1941–1945: Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 49.
- 8 Мельтохов М.И. Материалы особых отделов НКВД о настроениях военнослужащих РККА в 1939–1941 гг. // Военно-историческая антропология. Ежегодник – 2002: Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 316.
- 9 См.: Голубев А.В. Антигитлеровская коалиция глазами советского общества (1941–1945 гг.) // Военно-историческая антропология. Ежегодник – 2002. С. 334–345;

Неформальная коммуникация в «закрытом» обществе

- Кринко Е.Ф.* Слухи Второй мировой войны // Диалоги с прошлым. Исторический журнал. Майкоп, 2002. № 2. С. 58–63; *Голубев А.В.* Советское общество и «образ союзника» в годы Второй мировой войны // Социальная история. Ежегодник. 2001–2002. М., 2004. С. 126–146; *Кринко Е.Ф.* История Второй мировой войны в слухах // Вестник Сочинского государственного университета туризма и курортного дела. Научный журнал. Сочи, 2008. Вып. 1/2 (3/4). Март–июнь. С. 194–203; *Сомов В.А.* Потому что была война... Внешэкономические факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Нижний Новгород, 2008. С. 126–133, и др.
- 10 Лето 1941-го. Между Гомелем и Брянском (Записки младшего лейтенанта) // Отечественная история. 2005. № 2. С. 30.
  - 11 *Шевырин С.А.* Проявление оппозиционных настроений политике Советской власти в крестьянской среде // Астафьевские чтения. Выпуск третий (19–21 мая 2005 г.): Современный мир и крестьянская Россия. Пермь, 2005 (<http://www.booksite.ru/fulltext/Zas/tap/hiev/12.htm>).
  - 12 Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Рассекреченные документы. Хроника событий: В 3 кн. Кн. 1: Хроника событий 1941–1942 гг. Краснодар, 2000. С. 74.
  - 13 Москва военная: 1941–1945. Мемуары и архивные документы. С. 479.
  - 14 «Ходят слухи, что Сталин убит Молотовым...»: Из дневников 1941 года москвички Ирины Краuze // Известия. 2009. 16 октября (<http://www.izvestia.ru/history/article3134325>).
  - 15 Москва военная. 1941–1945: Мемуары и архивные документы. С. 478.
  - 16 См.: *Кринко Е.Ф.* Слухи военных лет (1941–1945 гг.) как исторический источник // Человек в экстремальных условиях военного времени: историко-психологические исследования. Материалы XVIII Междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 12–13 декабря 2005 г.: В 2 ч. СПб., 2005. Ч. 1. С. 273–277.
  - 17 *Каргин Д.И.* Великое и трагическое. Ленинград. 1941–1942. СПб., 2000. С. 31.
  - 18 Стalingрадская эпопея: Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 149.
  - 19 Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. С. 582–583.
  - 20 *Каргин Д.И.* Указ. соч. С. 63.
  - 21 Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 88. Д. 126. Л. 6.
  - 22 Кубань в годы Великой Отечественной войны... Кн. 1: Хроника событий 1941–1942 гг. С. 33.
  - 23 См.: *Де Ионг Л.* Немецкая пятая колонна во Второй мировой войне / Сокр. пер. с англ. А.И. Дьяконова. М., 1958.
  - 24 *Деревенец А.* Сквозь две войны: Записки солдата // Сквозь две войны, сквозь два архипелага... Воспоминания советских военнопленных и оставцев. М., 2007. С. 67.
  - 25 *Мельтохов М.И.* 9 дней боевого пути красноармейца Бунина и его размышления о порядках в армии (1941 год) // Военно-историческая антропология. Ежегодник – 2005/2006: Актуальные проблемы изучения. М., 2006. С. 144.
  - 26 Москва военная. 1941–1945: Мемуары и архивные документы. С. 478.
  - 27 *Дубин Б.В.* Речь, слух, рассказ: трансформация устного в современной культуре // Дубин Б.В. Слово – письмо – литература: Очерки по социологии современной культуры. М., 2001. С. 78.
  - 28 Москва военная. 1941–1945: Мемуары и архивные документы. С. 479.
  - 29 Там же. С. 36–37.

ЕВГЕНИЙ КРИНКО

- 30 Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. С. 584—585.
- 31 Русский архив: Великая Отечественная. Т. 17—6 (1—2). М., 1996. С. 25.
- 32 Там же. С. 37.
- 33 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 60. Л. 14.
- 34 За уклонение от призыва в армию в рассматриваемый период был осужден 1 человек, за нарушение светомаскировки — 3 человека. См.: Кубань в годы Великой Отечественной войны... Кн. 1: Хроника событий 1941—1942 гг. С. 33—34.
- 35 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 60. Л. 47.
- 36 Зайцев В.П., Туков В.В. Участие органов внутренних дел Кубани в битве за Кавказ в годы Великой Отечественной войны. Краснодар, 2007. С. 19.
- 37 Москва военная. 1941—1945: Мемуары и архивные документы. С. 548.
- 38 Сомов В.А. Указ. соч. С. 132—133.
- 39 Там же. С. 133.
- 40 Зайцев В.П., Туков В.В. Указ. соч. С. 18.
- 41 См.: Журавлев М.И. Революционная бдительность — драгоценное качество советского человека. М., 1944, и др.
- 42 Кабанов В. Советская история в слухах // История. 1997. № 29. С. 1.
- 43 Гудков Л. Страх как рамка понимания настоящего // Мониторинг общественного мнения. 1999. № 6 (44), ноябрь — декабрь. С. 53.